

Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов

Глава государства ответил на вопросы российских журналистов по завершении саммита БРИКС в Бразилиа.

14 ноября 2019 года 22:30 Бразилиа

В.Путин: Уважаемые коллеги!

Добрый вечер или, даже не знаю, добрый день.

В начале всё-таки я скажу и начну со слов благодарности в адрес наших хозяев – и Президента Бразилии, и всех наших коллег, – потому что они много и настойчиво, на мой взгляд, результативно поработали в течение этого года и провели саммит БРИКС на весьма высоком уровне.

Мы подписали, как вы знаете, итоговый документ, причём он согласован всеми сторонами. На мой взгляд, это документ очень основательный, хорошо сбит, что называется, и достаточно жёсток в определённых формулировках, которые мы считаем принципиальными.

Мы с удовольствием будем продолжать тот темп, который был набран в Бразилии, и по тем направлениям, которые и сама Бразилиа считает приоритетными. Так что большое им спасибо, и хочу их поздравить с проведением этого мероприятия.

Вопрос: У меня вопрос тоже про БРИКС. Есть мнение, что в условиях растущей мировой поляризации роль БРИКС не очень-то ясна, и вообще звучат иногда утверждения, что про БРИКС вспоминают только тогда, когда собираются лидеры

на свои саммиты. С другой стороны, в западных СМИ пишут в том числе и о том, что БРИКС играет роль уже не экономического объединения, а геополитического союза.

Как Вы считаете, всё-таки БРИКС может, должно ли играть большую роль в мировых делах, оказывать большее влияние на мировые процессы или такая роль БРИКС вообще не нужна? И что интересного ждать во время российского председательства?

В.Путин: Не согласен с тем, что о БРИКС вспоминают только тогда, когда саммиты проходят.

Я уже сказал, что, например, бразильские коллеги работали над подготовкой саммита в течение всего года. Проведено большое количество мероприятий, согласованы позиции по ключевым направлениям развития.

Вы не можете не заметить, что мы говорим о том, что БРИКС, эта организация является определённым фактором стабильности не только в политике, но и в мировой экономике, поскольку выступает за открытые рынки, против любого вида протекционизма и так далее – нужно просто почитать наш итоговый документ. И в этом смысле, на мой взгляд, играет стабилизирующую роль.

Что касается того, чтобы иметь большее значение, то мы не форсируем здесь ничего, мы не превращаем это в какой-то закрытый союз, но по мере изменения ситуации в мире роль и значение БРИКС, безусловно, будут расти.

Уважаемые коллеги, вы посмотрите, что происходит в экономике, посмотрите просто на цифры! В этом году уже БРИКС обошел страны «семёрки» по объёму ВВП по паритету покупательной способности на 12 процентов, по-моему. А на следующий год у БРИКС будет плюс 50 триллионов долларов по сравнению со странами «семёрки».

Кто этого может не замечать? Это реальный, существенный фактор в мировых делах, и он будет возрастать.

Вопрос: Владимир Владимирович, вопрос, продолжая тему БРИКС и председательства России в БРИКС в следующем году. МИД России допустил, что

в нашей стране возможно проведение такого саммита объединения в расширенном формате с участием стран СНГ, ведущих региональных игроков. Как Вы оцениваете значимость подобной встречи в верхах и ценность такой встречи в России, у нас?

В.Путин: Что касается ценности. Можно с полным основанием считать, что Россия является одной из стран-основательниц этой организации. Ведь всё началось ещё у нас, в Петербурге, когда мы предложили собраться втроем – Президенту (тогда был ваш покорный слуга Президентом) России, [Премьер-министру] Индии и [Председателю] Китая, так возник РИК. Потом присоединилась Бразилия и потом – Южная Африка, и возник БРИКС, окончательно который был сформирован тоже в России. Поэтому мы относимся самым серьёзным образом к этой организации. Своё отношение к ней я только что высказал.

Что касается приглашения других стран, то это обычная практика, это аутрич. Мы планируем пригласить и региональные наши экономические организации, прежде всего это Евразэс (Евразийский экономический союз) и СНГ. Обращаю ваше внимание на то, что в Евразэс входят и некоторые страны БРИКС, так что это абсолютно естественная будет встреча партнёров если не в БРИКС, то в другой организации. Обсуждение будет общим, и любой из вопросов, который там будет обсуждаться, будет представлять интерес для всех тех, кто будет приглашён на это мероприятие.

Кроме всего прочего, мы считаем важным – я сегодня уже говорил об этом на встрече с партнёрами, по-моему, и вчера тоже с деловиками упоминал об этом, – мы были инициаторами принятия Стратегии развития БРИКС до 2025 года. С учётом быстроменяющейся ситуации в мире полагаем, что настало время эту стратегию экономического развития обновить, и это тоже будет одно из наших предложений.

Пожалуйста.

Вопрос: Вам предстоит ещё встреча сейчас с Президентом Бразилии, однако не может не обращать на себя внимания снижение заинтересованности нынешнего бразильского руководства в развитии отношений с Россией: темп политического диалога снижается, новых проектов в торгово-экономической сфере практически нет, а те, что есть, реализуются скорее по инерции. Есть ли возможность изменить

ситуацию, особенно если учесть, что руководство Бразилии сейчас явно держит курс на сближение с США? Есть у наших двух стран общие точки для развития отношений?

В.Путин: Я не думаю, что мы наблюдаем какое-то снижение интереса друг к другу, со стороны Бразилии к России и наоборот, мы этого не фиксируем. Да, Вы понимаете, пришёл новый руководитель страны, новый президент, он работает всего год. Это же всегда требует времени, для того чтобы сориентироваться, поработать над приоритетами. Это первое.

Второе. У нас никогда не было в рамках БРИКС обязательств работать только друг с другом. БРИКС – не замкнутая, закрытая организация. Каждая страна в полной мере обладает своим суверенитетом и определяет самостоятельно приоритеты своего развития и своих партнёров. Совершенно очевидно, что Соединённые Штаты, как глобальная мировая держава, держава, находящаяся на Американском континенте, не может не представлять интереса для Бразилии, это естественное абсолютно дело.

Что же касается наших отношений, то они развиваются, развиваются достаточно успешно, на мой взгляд. Мы продолжаем оставаться очень привлекательным партнёром для Бразилии в сфере сельскохозяйственных отношений, поставок, прежде всего бразильского мяса, на наш рынок. Со своей стороны тоже предлагаем различные товары, в том числе так необходимые для сельского хозяйства Бразилии удобрения по конкурентным ценам и очень хорошего, высокого качества. Есть и другие направления, которые взаимный интерес представляют.

По поводу контактов. Сейчас мы ожидаем приезда первого министра бразильского правительства по гражданским делам, это фактически, если мерить по российским стандартам, председатель правительства, и будем обсуждать очень много вопросов интересных, в том числе связанных с планами Бразилии по развитию. Если бразильские партнёры заинтересуются, то, я думаю, с точки зрения инвестирования в инфраструктуру, в другие перспективные объекты они могут найти в России интересных партнёров.

Вопрос: Вы проводили встречу на полях саммита с лидером Китая. Расскажите, пожалуйста, как она прошла, какие темы были главными, обсуждали ли вы вопросы торговых войн? И расскажите, как господин Си Цзиньпин смотрит на возможность

заклучить соглашение трёхстороннее с Россией и США по запрещению ракет средней и малой дальности? И вообще обсуждали ли вы на саммите вопросы контроля над вооружением?

В.Путин: Я начну с последнего – как смотрит господин Си Цзиньпин на заключение каких-то соглашений: всё-таки будет более корректно спрашивать у него, это естественное дело. Я знаю его позицию, мы с ним это обсуждали, но повторяю ещё раз: лучше к нему обратиться прямо.

Хотя устами представителя Министерства иностранных дел Китая мы позицию Китайской Народной Республики по этим вопросам знаем. Она заключается в том, что ракетный ядерный потенциал Китайской Народной Республики пока отличается значительным образом от ракетного ядерного потенциала России и Соединённых Штатов, которые, безусловно, в этом смысле являются ведущими ядерными державами в мире. И поэтому китайское руководство считает, что пока не настало время, когда нужно было бы Китаю принимать участие в этих переговорах.

Но что я хочу вам сказать? Во-первых, это правда: Россия и США являются самыми крупными ракетно-ядерными державами в мире. А во-вторых, мне в голову что приходит: если подключать Китай, то почему только Китай? Давайте будем подключать и Францию, и Великобританию, и другие страны, которые вроде как и не признаны в качестве ядерных держав официально, но все в мире знают, они этого не скрывают, что они таковыми являются. Ведь невозможно себе представить ситуацию, когда кто-то будет что-то снижать, а другие будут бесконтрольно наращивать. Это непростой вопрос, он не касается только позиции наших китайских друзей, а носит более широкий характер.

Что касается вопросов, которые мы обсуждали, то мы обсуждали весь комплекс двухсторонних отношений, прежде всего торгово-экономические вопросы. Вы знаете, что мы даже несколько превысили предыдущие наши планы, ускорили, вернее, эти планы, и раньше, чем планировали, вышли на цифру в 100 миллиардов долларов торгового оборота: 108 миллиардов у нас получилось по прошлому году.

Теперь мы ставим перед собой задачу достичь планки в 200 миллиардов. Это абсолютно реалистичная цифра. Мы сейчас работаем не просто над этой цифрой как

над виртуальной цифрой, а в практическом плане: наши соответствующие ведомства сейчас готовят план наших совместных действий, для того чтобы показать, в какие сроки мы можем выйти на 200 миллиардов оборота.

И конечно, у нас есть крупные проекты, по которым мы работаем. Это и космос, это ядерная энергетика, это авиастроение. У нас хорошая перспектива в высокотехнологичных отраслях.

Всё идёт по плану, мы держим это на контроле.

Вопрос: Вы провели переговоры с Премьером Индии Моди. Скажите, пожалуйста, обсуждались ли вопросы поставок российского вооружения и военной техники, в частности комплексов С-400? Не просил ли Премьер Моди ускорить эти поставки? И в целом как Вы оцениваете военно-техническое сотрудничество России и Индии?

В.Путин: Военно-техническое сотрудничество с Индией у нас находится на высоком уровне, и я считаю, что это очень важная составляющая наших отношений. Но всё-таки в основе наших диалогов в последнее время всё более важное и значимое место приобретают вопросы сотрудничества в гражданских сферах. Здесь нам есть над чем работать, мы считаем, что потенциал здесь не использован.

У нас оборот с Индией в целом 11 миллиардов долларов. Это маловато для таких экономик, как Россия и Индия, тем более что Индия демонстрирует под руководством Моди очень хорошие показатели по темпам экономического роста. У них очень многое получается, и принимаются очень важные, на первый взгляд непростые, но нужные для экономики решения.

Индия быстро развивается, и это очень перспективный для нас партнер, тем более что у нас с Индией вообще нет ни одного вопроса, который бы омрачал наши отношения. Это было так всегда традиционно, так и остается. Надеюсь, так оно будет и в будущем.

Что касается поставок С-400, то все это по плану. Индийский коллега не просил здесь что-то ускорять. Все идет нормально.

Индия – миллиард 350 [миллионов человек], а может, уже и больше населения. Это суверенное государство, которое дорожит этим суверенитетом. И здесь, несмотря ни на какие давления извне, мы это видим, Индия придерживается всех взятых на себя обязательств – так же, как это делает и Россия. Мы будем развивать сотрудничество, в том числе и в сферах, которые считаются вооружением, основанным на высоких технологиях.

Прошу Вас, пожалуйста.

Вопрос: У меня вопрос по региону. Сейчас в нескольких латиноамериканских странах проходят протесты, которые влекут за собой погромы фактически. Если в Перу и в Эквадоре ситуация успокаивается, то в Чили и особенно в Боливии она только обостряется, и, в отличие от Ближнего Востока, причины «латиноамериканской весны» в каждой стране свои. Что, по-Вашему, стоит за хаосом в Латинской Америке?

В.Путин: Вы знаете, на мой взгляд, я выскажу своё собственное мнение, в каждой стране свои причины. В основе, конечно, всегда лежат проблемы социально-экономического характера. Какая-то неустроенность, какие-то не решённые вовремя проблемы. Хотя мы всё время говорим об этом, есть и элементы вмешательства извне, но они всегда возникают там, где есть внутренние сложности. Повторяю, тем не менее, всё-таки специфика очень большая в каждой стране.

Когда я смотрю на всё, что происходит, например, в Боливии, о чём я думаю: представляете, возникла ситуация, когда власти нет совсем, все действующие власти от неё отказались. Второй спикер сената... Нужно было принимать какое-то специальное решение Конституционного суда, оппозиция с этим не согласилась. Практически власти нет, безвластие. Очень напоминает Ливию: хотя нет здесь прямого вооружённого вторжения извне, но страна на пороге хаоса на самом деле находится. Это, конечно, тревожный такой сигнал.

Здесь, в Латинской Америке, всё очень быстро меняется. Будем надеяться на то, что здравый смысл и понимание интересов людей, населения этих стран, ответственность за положение граждан своих государств всё-таки возобладает над какими-то личными либо групповыми политическими, партийными амбициями и в этих странах всё-таки успокоение настанет.

Именно поэтому, кстати говоря, мы категорически выступаем против какого бы то ни было прямого вмешательства в дела таких стран, как, скажем, Венесуэла. Да, проблемы есть, но венесуэльцы сами в ходе диалога между различными политическими силами должны определить будущее своей страны.

Вопрос: Продолжая тему Латинской Америки. Обсуждалась ли с партнёрами по БРИКС ситуация в Боливии и Венесуэле? Выработали ли страны – участницы блока совместный подход к кризису в этих странах? И как Россия намерена выстраивать свою политику в регионе, учитывая, что у неё сложились дружественные, продуктивные отношения с Боливией при Эво Моралесе?

В.Путин: Мы надеемся, что, кто бы к власти ни пришёл в Боливии, интерес к развитию отношений с Россией сохранится. Мы со своей стороны готовы сотрудничать с властями, которые получают легитимный мандат со стороны народа этой страны.

Что касается Венесуэлы, то наша позиция хорошо известна. Собственно говоря, вот и весь ответ, наверное, на Ваш вопрос.

Пожалуйста.

Вопрос: Из-за массовых протестов, беспорядков в Чили отменён саммит АТЭС, где Вы могли бы встретиться с Дональдом Трампом. Когда и где теперь возможна Ваша встреча с американским лидером? И, учитывая то, что он позитивно отозвался о Вашем приглашении приехать 9 мая, возможны ли в Москве полномасштабные переговоры? Или увидите где-то раньше?

В.Путин: Пока у нас встреча не планируется.

Что касается 9 мая в Москве: если Президент Соединённых Штатов примет решение, сможет приехать, имея в виду начавшуюся предвыборную кампанию в самих Соединённых Штатах, – а я думаю, что приезд по случаю окончания Второй мировой войны для лидера страны, которая внесла существенный вклад в борьбу с нацизмом, даже в рамках предвыборной кампании был бы правильным и верным шагом, но это не нам решать, – если Президент США приедет, то, конечно, мы с ним встретимся в Москве и будем разговаривать.

А полноформатность – она ведь не зависит от помпезности, которой обставляется та или иная встреча. Она зависит от откровенности и желания выйти на обсуждение ключевых вопросов двусторонних отношений. Мы к этому готовы. Если Соединённые Штаты также будут готовы к этому, то тогда в этом смысле и в этом случае хорошие переговоры возможны.

Прошу Вас.

Вопрос: Коллеги ещё не говорили про Сирию. Я задам Вам такой вопрос. С одной стороны, очевидны вроде успехи российской антитеррористической операции в регионе. Конечно, есть другие мнения.

В.Путин: Почему это «вроде бы»? Они очевидны.

Вопрос: Дональд Трамп, тем не менее, очень любит говорить, что это американцы победили джихадистов там, в последнее время он ещё раз это заявил.

А Ваш турецкий коллега Тайип Эрдоган, прежде чем он отправился в Америку, в Соединённые Штаты на переговоры с Дональдом Трампом, сделал неожиданное заявление: он сказал, что ни США, ни Россия не справились с террористами. Возможно, он, конечно, отчасти имел в виду курдские формирования. Мы знаем, как они к ним относятся. Но всё же, как Вы считаете, есть ли у господина Эрдогана основания быть чем-то недовольным? И в связи с этим хотел бы Вас спросить: как Вы считаете, все задачи, которые были поставлены при начале этой операции, я имею в виду нашу антитеррористическую операцию в Сирии, выполнены? Если нет, то что еще осталось сделать?

В.Путин: Прежде всего, что касается вклада Соединенных Штатов в борьбу с терроризмом в Сирии. Вклад есть, надо все-таки это признать и сказать об этом прямо, в том числе и вклад Президента Трампа. Правда, до того, как Россия пришла и приняла активное участие, все-таки международная коалиция так называемая в течение нескольких лет практически топталась на месте. Но Соединенные Штаты в рамках той операции, которой руководил уже Трамп, все-таки внесли определенный вклад в совместные усилия по борьбе с терроризмом. Хотя я думаю, что любой наблюдатель нейтральный посмотрит и увидит, какова роль России с учетом

интенсивности боевых действий и их результата.

После того как Россия начала активные действия по поддержке легитимного правительства в Дамаске, 90 процентов почти территорий освобождено от террористов, и не просто освобождено, а поставлено под контроль легитимного, как я уже сказал, правительства Сирии, чего мы и добивались, что мы и сделали.

Что касается интересов собственно России, то они заключались прежде всего в том, чтобы избавить Россию от инфильтрации на территорию Российской Федерации большого количества обученных и подготовленных боевиков с опытом боевых действий. В этом смысле нельзя полностью утверждать, что мы решили все 100 процентов задач, но в целом – да, мы ту задачу, которую перед собой ставили, начиная операцию в Сирии, выполнили.

Сейчас из Сирии, после того как сирийские пограничники встали вдоль сирийско-турецкой границы, мы имеем больше информации по тому, кто находится, скажем, в лагерях. Мы знаем, что там сотни боевиков – выходцев из России и несколько тысяч – из стран СНГ. А сколько уничтожено? Не меньше, если не больше.

Поэтому – да, это всеобщая проблема, для всех стран существует угроза инфильтрации, выхода боевиков с территории Сирии и инфильтрации в другие страны. Это в полной мере относится и к европейским странам. Мы знаем трагические случаи использования боевиков, которые прошли боевой опыт в Сирии, когда они наносили удары по некоторым европейским странам. Такая опасность характерна и для США. Все в опасности, поэтому нужно объединять усилия. Надеюсь, что мы будем конструктивно вместе работать.

Кстати, элементы совместной работы у нас со многими странами в борьбе с терроризмом в Сирии есть, в том числе и с Соединенными Штатами. Но у нас еще много задач по идлибской зоне, потому что там большое сосредоточение боевиков, которые перебегают в другие страны, в том числе в Ливию, кстати говоря. У нас – у всех, кто занимается сирийской проблемой, – есть еще вопросы, связанные с Заевфратьем, с восточным берегом Евфрата, где и боевики еще есть, и иностранное присутствие, в том числе американское, есть. Я уже много раз говорил, мы не считаем его легитимным, поскольку эти вооруженные формирования не находятся там

по приглашению правительства Сирии и не в рамках резолюции Совета Безопасности ООН, это незаконное присутствие.

Есть зона Ат-Танфа, где тоже сидят американские военные, но там большое количество боевиков тоже находится, которые в заложниках, по сути, держат мирное население. И они не могут оттуда выйти: люди хотят уйти – не пускают, и находятся в очень плачевном состоянии там люди. Как только удастся им вырваться, они оттуда бегут. Там процветает все что угодно.

Поэтому в целом – да, многие задачи решены, но далеко пока еще не все. Но я очень рассчитываю на то, что в ходе политического процесса в Женеве, в ходе работы над изменениями или принятия новой Конституции Сирии удастся так или иначе ситуацию смягчить, удастся наладить отношения между правительством и оппозицией и выйти на такие кардинальные общие решения, которые бы успокоили ситуацию в стране в целом, полностью восстановили бы ее территориальную целостность.

Что касается позиции Президента Эрдогана. Мы с ним в очень тесном контакте находимся. Я знаю, что у него есть озабоченности по поводу некоторых организаций, но мы с ним договорились в ходе последнего телефонного разговора, что, учитывая уровень нашего взаимодействия там, турецкая сторона на оперативном рабочем уровне будет передавать свои озабоченности по тем или другим ситуациям в той зоне, которая вызывает особые опасения у Турции, своим российским коллегам. И если мы действительно будем видеть, что есть какие-то нарушения, мы готовы оперативно на это реагировать.

Вопрос: Позвольте про Украину. Не так давно Нурсултан Назарбаев заявил о том, что готов поспособствовать организации Вашей встречи с Владимиром Зеленским. При этом мы знаем четкую позицию Кремля о том, что встречи ради встречи не нужны. Но если речь идет о новой украинской администрации, может быть, все-таки встретиться и поговорить?

И в продолжение – вопрос о разведении сил на Донбассе. Наконец-то это случилось, сложно, но все же произошло. На Ваш взгляд, каковы прогнозы на дальнейшее урегулирование этого конфликта? Возможна ли встреча в «нормандском формате» в ближайшее время, может быть, до нового года. И если уж совсем размечтаться,

может быть, до этой встречи Вы тет-а-тет встретитесь с Зеленским?

В.Путин: Первое – что касается инициативы Нурсултана Абишевича Назарбаева. Это очень уважаемый человек, у меня с ним очень близкие, дружеские отношения, он очень опытный политик. Кстати говоря, он долгое время, многие годы жил на Украине, и он хорошо знает эту страну и относится к ней с большой симпатией и все время мне транслирует это свое отношение к Украине. Поэтому здесь для меня ничего удивительного нет.

Но он всегда исходил из того, что Украина должна искать счастье не за морями. «За морем и телушка – полушка, но дорог перевоз», – знаете такую русскую поговорку? Так вот, не за морем, не за океаном нужно искать счастье, а со своими соседями договариваться. Тоже правильный подход.

Но дело в том, что сейчас о встрече до «нормандского формата» речи не идет, поскольку мы договорились о том, что будем встречаться в «нормандском формате». Но если уж будем встречаться, так чего же нам суетиться и бегать здесь на неподготовленные встречи? Я думаю, в этом никто не заинтересован: ни я, ни Президент Зеленский. Мы же должны выйти с каким-то результатом. Так-то мы с ним в контакте, мы же разговариваем по телефону. Полный контакт есть, но нам нужно подойти к каким-то решениям.

В принципе, «нормандский формат» и встреча в «нормандском формате» возможна. Вообще, кроме «нормандского формата», другого механизма нет. Поэтому мы – когда я говорю «мы», я имею в виду Россию, то есть меня и моих коллег, МИД, наши соответствующие службы – мы за его сохранение. Повторяю еще раз: ничего другого нет и не предвидится.

То, что произведено отведение сил в двух этих точках критических, – это хорошо, мы это приветствуем. Приветствуем как действия украинских властей, так и действия непризнанных республик.

Правда, тут же появляются какие-то двусмысленности. Мы видим заявления, например, министр, по-моему, иностранных дел Украины заявил о том, что Украина вообще может отказаться от Минских соглашений. Но это как? Мы что тогда будем

обсуждать в «нормандском формате»? О чем там может идти тогда речь, я не очень понимаю. Это первое.

Второе. Мы видим заявления официальных лиц о том, что в зону, откуда уже отведены войска с тяжелым вооружением, могут вернуться и другие вооруженные формирования, и милиция, и нацгвардия Украины. Тогда все то же самое будет сделано со стороны ополченцев ЛНР и ДНР. Нужно ли это, если уже войска ушли? Мне кажется, нет.

И, наконец, самое важное, и на это я бы хотел обратить и Ваше внимание, и всех коллег, которые здесь присутствуют, это абсолютно ключевой вопрос. Мы слышим тоже от первых лиц Украины о том, что может быть принят другой закон об особом статусе Донбасса. Какой? Ведь это абсолютно ключевая вещь. Если будет принято нечто такое, что не будет согласовано с ЛНР и ДНР, то тогда все мгновенно зайдет в тупик. Ведь весь смысл «формулы Штайнмайера», которая не несет никакого содержания и является просто инструментом принятия, имплементации закона об особом статусе после проведения муниципальных выборов, – там же ничего нет содержательного, это просто формула, причем такая, которая не в полной мере соответствует, кстати говоря, Минским соглашениям. Но мы пошли на это, это компромисс с нашей стороны, мы согласились, но только бы хоть что-то было, чтобы двигаться вперед. А зачем нужна эта формула, если не будет самого закона об особом статусе? Ведь формула нужна для имплементации этого закона.

И еще очень важное обстоятельство. 31 декабря заканчивается срок действия этого закона об особом статусе Донбасса. Если он не будет продлен...

Вообще-то когда-то европейские партнеры ставили вопрос и прямо просили Украину сделать этот закон бессрочным – не на год, не на два, не на три. И в свое время Порошенко согласился с этим и сказал: «Да, мы должны это сделать, и мы это сделаем». Так ничего и не сделал.

31-го истекает срок. Дальше что? Что мы будем обсуждать в «нормандском формате»? Это вообще ключевой вопрос.

Но в целом что-то, конечно, делается. Вот, разведение в двух местах. Но там, Вы

понимаете, по всей линии надо разводить. Надо развести по всей линии так, чтобы хотя бы пушки не стреляли, чтобы люди не гибли. Это точно надо сделать, и как можно быстрее.

Пожалуйста.

Вопрос: В конце 2019 года истекают газовые контракты между «Газпромом» и «Нафтогазом», которые были подписаны в 2009 году. Видите ли Вы угрозу прекращения транзита через Украину, учитывая, что до 1 января осталось всего полтора месяца?

Также истекает контракт с Белоруссией 31 декабря. Как ведутся переговоры по цене на газ на этом треке?

В.Путин: Что касается переговоров с Украиной, есть такие угрозы или нет по поводу прекращения транзита. Мы уже много раз говорили: мы готовы работать с Украиной и по транзиту нашего газа в Европу, и по поставкам в саму Украину, причем по ценам ниже тех, по которым Украина получает российский же газ, но как бы по реверсу со стороны Европы.

Хочу, чтобы всем было понятно: невозможен никакой реверс. Газ не может в полтрубы течь в одну сторону, а в полтрубы – в другую. Чушь это, понимаете, «сапоги всмятку». Это нереально абсолютно. Мы знаем, как это технологически делается: [газ] заходит, потом лупинг такой сделали, обходную трубу, и назад его качают. Или прямо качают...

Технологически ведь как выстроена труба? Это же советская труба: вот она идет транзитная, а от нее ответвления на всю территорию Украины. Там засчитывают, а потом пересчитывают, что как будто это из Европы пришло.

Это ерунда просто, мы это прекрасно понимаем. Мы просто не шумим по этому поводу, чтобы уже не обострять ситуацию. Но мы же говорили о том, что, если напрямую будем поставлять, мы готовы даже снизить цену до 20 и даже до 25 процентов.

В свое время приезжал господин Медведчук и Бойко, встречались с Председателем Правительства России. Медведев их спросил тогда: «Вам-то что? Вы же не входите в правительство [Украины] и вряд ли войдете». Ответ был, правда, такой, на мой взгляд, зрелый абсолютно, они сказали: «Для нас важно, чтобы Украина и украинский потребитель получал газ более дешевым. На 25 процентов, на четверть. Если мы это сделаем, толкнем этот процесс, мы будем счастливы от этого». Я считаю, что это реальная, зрелая политическая позиция в интересах граждан Украины.

Что мы сейчас видим, что происходит в реалиях? Опять «Нафтогаз» предъявил очередной иск в суде на шесть с лишним миллиардов. Бред какой-то, просто обостряют ситуацию. Зачем? Мы же говорим: мы готовы, причем при сопровождении Еврокомиссии, достичь любых соглашений.

Украина хочет по украинским законам это отрегулировать – пожалуйста, мы готовы. Украина хочет отрегулировать по европейским законам, она взяла на себя обязательство принять европейское законодательство – мы готовы, пожалуйста. Мы и в Еврокомиссии об этом сказали, и я сказал это своим коллегам и во Франции, и в Германии. Если Украина успеет имплементировать у себя законодательство европейских стран – пожалуйста. Там это связано с разделом генерирующих компаний и транзитирующих. Смогут они это сделать в оставшийся период времени – хорошо. Они взяли на себя обязательство перед Европой, не перед нами, пусть делают, мы готовы и к этому.

Но это не все от нас зависит. Поэтому риск прекращения транзита существует, наверное, с учетом тех обстоятельств, о которых я сказал.

Переговоры с Белоруссией идут по плану. Я надеюсь, что до конца года мы это отрегулируем.

Вопрос: Хотел спросить про сферу IT. У нас в последнее время много законопроектов, которые направлены на регулирование этой сферы. В частности я говорю об ограничении владения иностранцами значимыми информресурсами и предустановке отечественного ПО. Какое Ваше мнение насчет этих законопроектов? Возможно ли негативное влияние на российский рынок? В каком виде Вы видите закон, простите за тавтологию, об ограничении владения

иностранцами этими ресурсами?

В.Путин: Я прекрасно отдаю себе отчет, и мы с коллегами говорили неоднократно в Правительстве на этот счет – конечно, нам нужно найти баланс между интересами безопасности и интересами развития рынка.

IT-рынок устроен таким образом, что мы заинтересованы в притоке и в сохранении иностранных инвестиций, иностранных технологий. Мы заинтересованы в том, чтобы создавать наилучшие условия для развития этого сектора экономики в России, чрезвычайно важного для нас в целом.

Исхожу из того, что, имея в виду все эти обстоятельства – решения окончательного еще не принято на правительственном уровне, хотя там проект закона есть, но я знаю, что дискуссии еще продолжаются, – что Правительству удастся найти гибкий инструмент регулирования этого рынка без ущерба нашим иностранным партнерам, но при возможности со стороны государства обеспечить свою безопасность.

Мы понимаем, что это тоже чрезвычайно важная сфера, имея в виду интересы общества в целом и отдельных граждан. Но не будем допускать или приводить к ситуации, когда наши иностранные партнеры будут поставлены в невыгодные и неконкурентные условия.

Например, мы только что говорили об одной из южноафриканских компаний, которая успешно работает на российском рынке. Какой смысл ограничивать ее работу? Но мы не можем одну вытащить компанию, говорить: эта нам нравится, а эта не нравится. Поэтому мы понимаем все нюансы этого непростого процесса.

Повторяю еще раз: надеюсь, что будет найден баланс между всеми этими составляющими, и Правительство предложит гибкий инструмент регулирования.

Вопрос: Владимир Владимирович, в марте этого года Вы подписали закон об оскорблении власти.

В.Путин: В марте?

Вопрос: Да, по-моему, в марте, 18 марта, насколько я помню.

Тогда очень многие жители страны высказывали опасение, что чиновники будут его использовать в недобросовестных целях. Собственно, недавно был случай, когда сирота разорвал Конституцию на видео, протестуя против того, что ему шесть лет не дают квартиру, положенную ему по закону. К счастью, тогда все закончилось хорошо, то есть власти после общественного резонанса дали ему квартиру. Как Вы сами сейчас оцениваете, после полугода, действие этого закона?

В.Путин: Я думаю, что Вы сейчас сами дали оценку практике применения. Она не носит какого-то запредельного характера.

Думаю, что каждое государство – это не только к России относится, кстати говоря, в других странах наказание за поругание национальных символов гораздо более серьезное, чем в России, санкции гораздо более суровые, чем в России, но фактически каждое цивилизованное государство защищает себя от поругания национальных символов. В этом, собственно, главный смысл, а не в том, чтобы прекратить всяческую критику со стороны людей в отношении власти. Она должна быть, она должна сохраниться, быть действенным инструментом улучшения функционирования самой власти. Власть в этом заинтересована.

Да, правильно, [Д.Песков] решил меня поправить. В 2020 году ВВП БРИКС не плюс 50 [триллионов долларов] к «семерке», а всего 50 триллионов рублей. Если я сказал по-другому, я прошу меня извинить. Я именно это имел в виду – 50 триллионов рублей. Это больше, чем в «семерке» совокупно вместе.

Пожалуйста, завершающий.

Вопрос: Владимир Владимирович, скажите, пожалуйста, как Вы считаете, есть ли необходимость дальнейшего сотрудничества со странами ОПЕК в рамках сокращения добычи нефти?

В.Путин: Есть.

У нас с ОПЕК налажен очень конструктивный диалог. Мы понимаем, с чем связана

такая жесткая позиция, в том числе наших друзей в Саудовской Аравии, с IPO Aramco. Это все понимают, здесь секрет Полишинеля, но это неважно. У них есть свои текущие интересы, и мы должны относиться – мы так и делаем – к этому с уважением.

Что касается перспектив сотрудничества, то оно не только будет заключаться в том, чтобы нам сдерживать добычу либо сокращать ее. Оно у нас предусмотрено и по некоторым другим направлениям. Но та система отношений, которая сложилась между Россией и ОПЕК, а также другими странами, не входящими в ОПЕК, это действенный, как выяснилось, инструмент сохранения нужного всем – и потребителям энергоресурсов, и производителям оных – баланса на мировом энергетическом рынке.

Мы исходим из того, что мы можем добиться этого баланса общими усилиями, не в ущерб кому бы то ни было, а, наоборот, на пользу всем, имея в виду, что стабильность на мировых энергетических рынках является благом как для потребителей, так и для производителей, а значит, и для мировой экономики в целом, потому что создает условия стабильности поставок на мировой рынок энергоресурсов по приемлемым для всех ценам.

Большое вам спасибо. Всего хорошего.

Статус материала

Опубликован в разделах: Новости, Выступления и стенограммы

Дата публикации: 14 ноября 2019 года, 22:30

Ссылка на материал: kremlin.ru/d/62047